
И. Л. ИЗМАЙЛОВ

ИСЛАМ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории Волжской Булгарии – распространению в этой средневековой стране ислама и его региональных особенностей. Автор доказывает, что процесс проникновения новой религии происходил в IX – первой половине X в. К рубежу X–XI вв. ислам стал государственной религией, которая опиралась на поддержку государства и широко распространилась во всех слоях общества. Ислам стал основой государственной идеологии булгарской элиты, а его обрядовая практика господствовала в жизни общества. В конце X в. ислам в Булгарии приобрел особенности, определявшие его характер вплоть до XIX в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, ислам, язычество и мировые религии, обряды и обычаи, мусульманская цивилизация, локальные особенности.

Выдающийся английский мыслитель и энциклопедист XIII в. Роджер Бэкон в географическом обзоре народов Европы упоминал страну «Великая Булгария», которая была населена «злейшими сарацинами». Автор, очевидно, пользовавшийся архивами ордена францисканцев, члены которого в XIII в. несколько раз посещали Восточную Европу, с удивлением отмечает: «...в высшей степени странно, что до них (булгар) дошло учение Магомета» (Матузова 1979: 215). Подобное удивление понятно. Распространение ислама так далеко на север ставило в тупик иностранных путешественников не только из христианских, но и из мусульманских стран. Изучение средневековой обрядовой и богослужебной, а также законоведческой практики может и должно обогатить наши представления о характере ислама, его способности адаптироваться, сохраняя универсальный характер, внедрять единую духовную и бытовую куль-

туру, но при этом включать в нее традиционные для того или иного региона и народа особенности. Все эти проблемы заслуживают пристального внимания и изучения.

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Это связано как с тем, что мусульманская Булгария была одним из ранних средневековых государств в Восточной Европе и активно взаимодействовала с Русью, в том числе и по вопросам религии, так и с тем, что ислам резко изменил этноконфессиональную ситуацию в регионе, на многие века определив его своеобразие. Соответственно литература по этой проблеме разнообразна.

Если для национальной татарской историографии вопрос об отношении Волжской Булгарии к исламской цивилизации был несущественным и определялся историко-культурной традицией, то европейская и российская наука решала его заново и самостоятельно.

Весьма интересны замечания В. Н. Татищева в отношении религии, распространенной среди болгар. Пересказывая сообщение русской летописи об «испытании вер» князем Владимиром, он полагал, что ранней религией болгар был брахманизм. Ислам в Поволжье, по его мнению, окончательно был принят довольно поздно, в XV в. (Татищев 1995: 133, 411).

Это мнение, основанное на его понимании русских летописей и их пристрастном анализе, осталось в науке экзотическим предположением, поскольку другие историки предпочитали трактовать известия летописей как свидетельство распространения в Булгарии именно ислама (Щербатов 1901: 350, 376). По мере развития науки и открытия новых источников представление о значительном распространении ислама в Поволжье уже в домонгольский период стало подтверждаться новыми данными. Показательны, например, исследования историка С. М. Шпилевского, который, изучив весь комплекс письменных и археологических материалов того времени, сделал вывод о распространении ислама в связи с расселением народов края: «В западной части Казанской губернии, памятников древности гораздо менее, нежели в восточной. Причина этому понятна... на востоке губернии было господство ислама и мусульман-

ской культуры, на западе господствовало шаманство и обитали племена, в культурном развитии значительно уступавшие мусульманам» (Шпилевский 1877: 508).

Постепенно в историографии сложились две точки зрения на характер распространения ислама среди населения Булгарии. Одни исследователи, к ним относятся в основном советские историки (М. Г. Худяков, Н. Н. Фирсов, А. П. Смирнов, Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин), считали, что мусульманством были охвачены в основном горожане и аристократия, а основная часть населения сохраняла язычество. Как писал академик Б. Д. Греков, «...ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве» (Греков 1945: 32). Подобные представления в той или иной мере становятся общим местом отечественной историографии.

Данные, полученные из комплексного анализа археологических материалов и письменных источников, рисуют совсем иную картину характера и распространения ислама. Эту точку зрения традиционно разделяли татарские историки (Ш. Марджани, Р. Фахрутдинов, Х. Атласи и др.), а ныне она находит все больше сторонников среди многих археологов и историков. Этапным в этом отношении следует признать исследование Е. А. Халиковой. Специально проанализировав материалы более чем 20 болгарских некрополей, она пришла к выводу о широком распространении ислама в Булгарии. По ее данным, распространение ислама в Булгарии начинается в конце IX – начале X в., полная и окончательная победа мусульманской погребальной обрядности в среде горожан происходит в первой половине X в., а в отдельных регионах – во второй половине X – начале XI в. (Халикова 1986: 137–152). Выводы эти в основном выдержали испытание временем.

Однако вопрос о характере ислама в Волжской Булгарии остается во многом открытым. Кроме вывода о том, что болгары исповедовали ислам суннитского мазхаба, который считается доказанным еще со времен работ Х. Д. Френа в первой трети XIX в., по сути дела, других суждений о болгарском исламе практически не предложено. Некоторой новизной отличается гипотеза о «двоеверии», кото-

рое, по мысли некоторых историков и искусствоведов (А. Х. Халиков, Ф. Х. Валеев, Д. К. Валеева, Г. М. Давлетшин), отражает особенности ислама в Булгарии. Суть ее в том, что население Булгарии якобы сохраняло языческие верования под легкой вуалью ислама. Доказательством для нее служат указания на форму некоторых произведений бытовой культуры (например, украшения) и орнаментальные мотивы на посуде и различных предметах быта.

Попытаемся кратко изложить другое видение этой проблемы.

Исследователи по-разному указывали начало распространения ислама в Волго-Уральском регионе, определяли его в пределах VIII–X вв. Представляется, что без новых достоверных источников говорить о точном сроке появления ислама в Булгарии можно лишь гипотетически. Ясно, что с началом установления регулярных торгово-экономических контактов со странами Востока (с конца VII в.) и возникновением магистрального Волго-Балтийского пути с особой инфраструктурой и зоной его влияния связи с мусульманами также укрепляются и становятся регулярными (Даркевич 1976; Дубов 1989; Мельникова 1999: 80–87).

Несомненно, что распространение ислама среди булгар связано с процессами консолидации различных племен под эгидой булгар во главе с Шилки и особенно его сыном Алмышем. Важнейшим политическим мотивом этого было стремление добиться независимости от Хазарского каганата. Алмыш, как, очевидно, и другие вожди тюрко-угорских племен Волго-Уральского региона, находился в вассальной зависимости от кагана хазар и платил ему дань мехами, а сын Алмыша находился заложником в Итиле. Вообще, власть хазар была довольно безжалостной и унижительной: так, узнав о красоте дочери Алмыша, правитель хазар захотел взять ее в свой гарем и, когда эльтебер булгар отказал, послал войска, которые заставили того послать ему дочь силой. А уже после ее смерти потребовал отдать ему ее сестру (Путешествие... 1939: 78). Намереваясь противостоять хазарам, Алмыш стремился консолидировать средневожские племена под своей властью.

Однако по мере подчинения племен правящий клан булгар столкнулся с проблемой не только военно-политического, но и

идеологического объединения различных племен и родов, имевших свои племенные культы и верования, – ислам не был востребован элитой булгар. Создание надплеменного этнополитического объединения потребовало утверждения унифицированной, универсалистской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде. Такую веру могли дать только мировые религии. Одновременно новая вера укрепляла власть правителя и придавала ему дополнительную легитимацию. Она не только ставила его власть выше племенных династий, но и в определенной мере отвергала их, лишая их божественной санкции на власть.

Имеющиеся у нас факты свидетельствуют, что процессы становления Булгарского государства стали особенно активно протекать в конце IX – начале X в., поэтому распространение ислама следует относить именно к этому времени. Не случайно первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменующие, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду булгарских племен (Казаков 1985: 178–182; 1992). Таким образом, основной причиной распространения ислама среди булгар следует признать внутренние факторы, консолидацию различных племен под властью булгар.

Но почему из всех мировых религий в Поволжье распространился именно ислам? Ответ на этот вопрос можно объяснить взаимодействием различных внешних и внутренних факторов. С одной стороны, ни христианство, ни иудаизм не могли быть привлекательными для булгар, поскольку ближайшая тогда христианская держава – Византия – находилась в союзе с Хазарией и не оказывала сколько-нибудь активного влияния на Поволжский регион, а против иудейской Хазарии булгары собирались вести борьбу. Следовательно, выбор ислама был предопределен складывающейся политической конъюнктурой.

Особую роль в этом выборе сыграли активные торгово-экономические контакты Поволжья со странами Средней Азии – Хорезмом и державой Саманидов. Благодаря прямому торговому

пути в Среднее Поволжье мусульманские купцы получили доступ к северным товарам в обход Хазарии.

Плавное развитие болгарского общества и медленное проникновение в него ислама в IX–X вв. привело к возникновению государственности и принятию мусульманства Алмышем и частью знати. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит упоминание в одном из сочинений арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида ал-Гарнати. Он приводит рассказ о начале Булгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им книги «История Булгарии», написанной болгарским столичным кади Йагкубом ибн Нугманом, то есть вполне официальную историографическую традицию. «А смысл слова болгар, – пишет андалусский путешественник, – “ученый человек”. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину». Далее он рассказывает о болезни эмира/царя болгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии болгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев царя хазар, который пошел на болгар войной, но был разбит с помощью «больших мужей на серых конях» («войска Аллаха, великого и славного», как сообщает источник ал-Гарнати) (Путешествие... 1971: 31). Это, скорее всего, не первая версия данного сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю состоит в том, что болгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата (до начала 980-х гг.), и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов.

В другой, более поздней версии, дошедшей до нас в преданиях, записанных в XVIII–XIX вв., сюжет этот изложен более подробно и приписывает распространение ислама в Булгарии трем асхабам (сподвижникам) пророка Мухаммада. Один из них излечил дочь правителя от смертельного недуга и, женившись на ней, дал начало

новой исламской династии (Галаяудинов 1998: 162–163). С точки зрения исторической реальности этот сюжет носит легендарный характер. Это было ясно уже такому реалистически мыслящему просветителю, как Ш. Марджани, подвергнутому эту версию резкой критике. И он прав. Однако зерно истины в этой легенде все же есть. По существу, это предание можно расценивать как попытку болгарских средневековых историков удревнить корни своего правоверия и утвердить среди населения Булгарии чувство превосходства над соседями, не способными претендовать на родство со сподвижниками пророка. Следовательно, историческая и фольклорная версии довольно сходны, это позволяет думать, что последняя сохранила отрывки болгарской исторической традиции, хотя и в переработанном виде (Измайлов 2000: 99–105).

В чисто богословском аспекте это играет важнейшую, определяющую роль. Дело в том, что в IX–X вв. в Средней Азии, особенно при дворе Саманидов, наибольшее распространение получил ханафитский мазхаб (толк) ислама, в то время как в Багдаде утвердились мазхабы аш-Шафии и Ханбалия. По ряду замечаний Ибн Фадлана, описывавшего «ошибки» религиозной практики болгар (особенности чтения хутбы, двойная икама, неупоминание имени халифа и т. д.), можно заключить, что они следовали в ней как раз учению Абу Ханифы. Все это убедительно свидетельствует о приоритете среднеазиатского центра ислама в выборе веры у болгар.

Точная дата принятия ислама Алмышем неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X в. Так, Ибн Русте, который, по мнению большинства ученых, писал между 903 и 913 гг. (Крачковский 1957: 159; Новосельцев 1990: 11–12), сообщает, что «Царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их (то есть болгар. – *И. И.*) исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» (Хвольсон 1869: 22, 23). Прямо о том, что болгары-мусульмане действовали против русов, совершивших в 912–913 гг. рейд в прикаспийские провинции Саманидов, писал ал-Масуди (Гаркави 1870: 131–133; о политических обстоятельствах и событиях этого похода см.: Минорский 1963: 47–48; Новосельцев

1990: 215; Коновалова 1999). Сведения о том, что правитель болгар – мусульманин, сообщает и Ибн Фадлан, хотя старается этот факт завуалировать в стремлении выпятить свою роль в исламизации болгар и их «малика». Тем не менее этот арабский автор, побывавший на Средней Волге, пишет, что в 921 г. в Багдад прибыло посольство к халифу с письмом от «ал-Хасана сына Балтавара, царя славян (сакалиба. – *И. И.*)» (Путешествие... 1939: 55), что означает, что правитель болгар (эльтебер и сын эльтебера) Алмыш подписывался мусульманским именем «ал-Хасан» и, очевидно, был мусульманином, как и его дочь (Там же: 78). В составе посольства находился один из приближенных Алмыша, также мусульманин – Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари.

Были общины мусульман и в самой Булгарии. Кроме ставки Алмыша, в которой находился специальный штат духовенства, включая муэдзина (Там же: 69), и где, судя по словам Ибн Фадлана, было довольно много мусульман (он даже описывает их погребальный обряд, см.: Там же: 77–78), существовали и другие значительные мусульманские общины. Так, Ибн Фадлан описывает общину «домочадцев» (сородичей?) под именем *ал-баранджар* «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся» (Там же: 74). Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру.

Важнейшим событием, знаменовавшим утверждение ислама в Булгарии, стал обмен посольствами между Алмышем и багдадским халифом ал-Муктадиром. Политическая история этих контактов, а также перипетии путешествия посольства от Багдада до берегов Волги довольно хорошо изучены (Ковалевский 1951: 189–214; 1956; Новосельцев 1990: 197–199). В данном случае важно отметить, что, несмотря на некоторые замечания Ибн Фадлана, ислам был значительно распространен в Поволжье и в смысле распространения веры посольство успеха не имело. Однако достижением этого посольства стало «дипломатическое признание» Булгарии как

исламской страны. С этого времени ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания болгар. Развивались и крепили связи со странами ислама.

В конце X – начале XI в. Волжская Булгария стала страной «классического ислама» (по терминологии Г. Э. фон Грюнебаума). Уже с начала X в. арабо-персидская историко-географическая традиция (Ибн Русте, Истахри, Марвази, Гардизи, «Худуд ал-алам» и др.) фиксировала, что у болгар два основных города: Болгар и Сувар; в обоих городах – деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными (Заходер 1967: 36; Бартольд 1973: 545). Все русские и арабо-персидские источники указывают, что уже к концу X в. Булгария выступала на международной арене как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Средней и Передней Азии, Ближнего Востока.

Но насколько ислам был распространен среди основного населения страны? Помочь ответить на этот вопрос могут археологические материалы.

К сожалению, о внутренней жизни и степени распространения ислама среди населения Булгарии сведений в письменных источниках чрезвычайно мало. В некоторой степени этот недостаток могут восполнить данные археологии. Например, для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. А среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко 1979: 124–138; 1984: 66–69). Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника (Он же 1984: 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи среди материалов как городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого

распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Анализ их позволяет сделать вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX – начале X в., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в. (Халикова 1986: 137–152). В настоящее время открыто примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду, и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и языческого погребения. Характерно, что редкие «отклонения» от канонического обряда некоторые археологи склонны трактовать как «языческие пережитки» и свидетельство наличия языческого населения (критику подобных взглядов см.: Измайлов 2002: 60–69).

Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру. Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела, полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т. д.) свидетельствуют о растворении племенных традиций в общемусульманской однородной этнической среде (Он же 2001: 93–119).

Сама организация мусульманской общины в Булгарии мало известна, но сам факт ее существования, судя по данным восточных источников, не вызывает сомнений. Уже в начале X в. в болгарских городах и поселениях фиксируются муэдзины и имамы (Хвольсон 1869: 23). Есть некоторые сведения о существовании в стране бул-

гар института судей – городских кади (Путешествие... 1971: 31), входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах. Косвенные сведения о структуре улама у болгар можно почерпнуть у ал-Гарнати, который, описывая население Саксина, отмечал, что живущие там болгары и сувары имеют своих эмиров и соборные мечети, где они совершают пятничную молитву, у них также есть «кадии, факихи, и хатибы: и все толка Абу Ханифы» (Там же: 27). Это сообщение также подтверждает мысль, что, очевидно, ханафитский мазхаб был традиционным для болгар не только в начале X в., как об этом писал Ибн Фадлан, но и гораздо позднее.

Болгары, приняв ислам, оказались достаточно далеко от стран ислама и в некоторой культурной изоляции, но смогли преодолеть ее. Ученый-энциклопедист ал-Бируни в своем труде отмечал, что болгары оторваны «от коренных стран ислама», тем не менее «не лишены сведений о халифате, халифах, а напротив, читают хутбу с их именами» (Бируни 1957: 55). Однако само ощущение «оторванности» болгар, нахождение их во враждебном окружении не могли не отразиться на их общественном сознании. Уже отмечался факт, повторяемый целым рядом арабо-персидских авторов, которые говорили о походах болгар на соседей как о «джихаде/священной войне»: «со всяким войском неверных; сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» (Бартольд 1973: 545; Заходер 1967: 31). О регулярных походах царя болгар на северных язычников и обложении их данью (хараджем) сообщает ал-Гарнати (Путешествие... 1971: 30–31). Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Плато Карпини, Рубрук и т. д.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары – самые злейшие сарадины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» (Путешествия... 1957: 119).

Мотив «священной войны» и «бремени истории», тяготеющий над их народом, был не только важной политической доктриной болгарской политической идеологии, но и заметно влиял на массовое сознание. Он формировал мнение болгар о себе как об общности, связанной не просто общей судьбой, но борьбой предков за

идеалы ислама. Подчеркнутый антагонизм по отношению к соседям, отмеченный восточными и западноевропейскими авторами, служивший, видимо, в большей степени не как постоянно действующая реалья, а как политическая амбиция и перспективная цель, в народном сознании акцентировался в форме подчеркнутого единства мусульман перед лицом угрозы нашествия язычников, реальность которой доказывала историческая традиция.

К сожалению, о характере болгарской богословской школы можно только догадываться, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. Однако не возникает сомнений в том, что на всей территории Булгарии господствовал не только единый мазхаб (ханафитский в своей основе), но и единая улама, которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с выработанными традициями, причем, несомненно, опиралась в этом на светскую власть. Соответственно именно эта традиция преподавалась в медресе и воспроизводилась, сохраняя преемственность и стабильность норм мусульманского права на протяжении более чем двух веков, о чем свидетельствуют болгарские погребальные памятники X – первой трети XIII в. Ортодоксальность погребального обряда болгар, возможно, связана с их представлениями о своей «избранности» вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира. Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Как бы то ни было, но каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствуют о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а определенно насаждались в обществе.

В болгарском исламе тем не менее была заложена определенная противоречивость. С одной стороны, ощущение своего пограничного положения в мусульманской ойкумене и строгое следование определенным ритуалам, что ярко выражалось в особенностях болгарской джаназы и политической практике. С другой – условия жизни и географическое положение диктовали некоторые отступления от канонов ритуальной практики. Например, одной из серьез-

езных проблем для болгар была суровая зима, которая иногда не позволяла совершить обряд погребения в соответствии с предписаниями шариата в день смерти. Вот что пишет об этом андалусский купец и дипломат, живший в Саксине и Болгаре: «Усиливается там мороз до того, что когда умрет <...> кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится, как железо, и невозможно в ней копать могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень, затвердевшим от силы холода» (Путешествие... 1971: 58). Даже если ал-Гарнати несколько преувеличивает, то и тогда становятся ясны сложности, возникающие перед болгарями в исполнении мусульманских ритуалов. Еще более сложная коллизия была связана с тем, что на этой параллели летом были короткие ночи, а зимой – дневной свет. Вследствие этого было затруднительно совершать положенные шариатом пять дневных намазов. Главным образом проблема состояла в невозможности чтения пятого ночного намаза, который совершался после заката солнца, поскольку летом он, по сути дела, сливался с утренним намазом. В мусульманском мире солнце считалось зашедшим тогда, когда становилось совершенно темно и нельзя было отличить белой нитки от черной. Из-за того, что летом в Среднем Поволжье вечерняя заря не исчезает, стало быть, время ночного намаза не наступает. Этот факт был отмечен арабо-персидской географической традицией и отмечался практически всеми авторами, кто писал о болгарях. Эти сведения, в той или иной степени восходящие к Ибн Фадлану, составляли особую традицию: «У болгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или не успевает человек пройти более одного фарсаха); зимой же день становится таким же коротким, как ночь летом» (Заходер 1967: 40–44). Своеобразное резюме этих сведений содержится у ал-Идриси (середина XII в.): «День у руссов и болгар настолько короток, что достигает лишь трех часов с половиной. Сказал ал-Хаукали: “Я был очевидцем этого у них зимой. Продолжительность дня была такова, что ее было достаточно только для четырех молитв, каждая из которых следо-

вала одна за другой, с рик'атами, а между азанами и икамой не было промежутка"» (Коновалова 2006: 120). По этому поводу в богословской литературе и религиозных кругах, очевидно, шли довольно бурные споры. Поездка булгар в Среднюю Азию по религиозным вопросам во многом имела целью разрешение именно этих вопросов ритуальной практики, что породило, видимо, целую плеяду болгарских факихов и богословов, широко известных во всем мусульманском мире (подробнее см.: Давлетшин 1990: 138–145, 172–176). С течением времени в Поволжье были выработаны свои особенности ритуальной практики, учитывающие местную специфику, канон, позволявший во время некоторых месяцев читать намаз только четырежды в день. Со временем именно эти особенности поволжского ислама привели татарских богословов к необходимости реформирования догматики ислама и появлению такого своеобразного течения богословской и общественной мысли, как джадидизм (современный взгляд на эти проблемы см.: Мухаметшин 2003: 17–49).

Таким образом, Булгария уже с X в. являлась самой северной страной исламской ойкумены, а «языком» болгарской культуры был ислам. Есть сведения о развитии монументальной архитектуры, декоративно-прикладного искусства, музыки и литературы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе. Благодаря системе образования население обучалось грамоте и основам религии. Сохранились сведения о развитии наук и знаний: астрономии и астрологии, медицины и алхимии, богословия и права, географии. Существовала своя историографическая традиция; здесь жили и творили многие крупные ученые: среди них богословы, философы и поэты (Давлетшин 1990: 172–176). Известны биографии выходцев из Булгарии, ставших на Востоке знаменитыми учеными, таких как известный медик Таджаддин ал-Булгари. Это демонстрирует включенность булгар в исламский культурный мир, где они были хотя и отдаленными, но единоверцами, показывает, что, несмотря на расстояния, между странами Востока и Средним Поволжьем шел непрерывный информационный обмен (Там же: 111–142). При этом надо учитывать, что булгарам, чтобы участво-

вать в этом обмене идеями и мыслями, требовались огромные усилия, в первую очередь на создание и поддержание системы образования. Неслучайно, видимо, и удивление восточных путешественников, видевших мектебе и медресе в болгарских аулах и городах.

Обмен идеями касался и развития богословия и религиозной практики. Целый ряд отрывочных фактов свидетельствует о некотором распространении в Бугарии такого течения ислама, как суфизм.

Бугария действительно находилась достаточно далеко от основных исламских культурных центров. И это расстояние стало на Востоке, видимо, обычным присловьем. Например, знаменитый философ, проповедник и путешественник Насир-и Хосров, желая подчеркнуть могущество Аллаха, пишет: «С трудом достигается крик твой из комнаты до сеней, а его голос легко доносится из Балха до Бугара» (Семенов 1953: 17).

Перефразируя этот отрывок стиха, можно сказать, что как ни велики были расстояния от стран ислама до Бугарии, ислам и его культура легко распространялись в Поволжье, создав здесь замечательный ареал тюркской мусульманской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что ислам уже с конца IX в. проникал в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий. Ислам проникает в самые широкие слои бугарского общества, и уже с конца X в. мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама (запрет на употребление в пищу свинины и т. д.) безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Бугарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других стран ислама. На этом фоне развивались своеобразная культура и декоративно-прикладное искусство бугар как сочетание тюркских и восточных традиций и шло формирование единой этнополитической общности.

Литература

Бартольд, В. В. 1973. Введение к изданию «Худуд ал-алам». В: Бартольд, В. В., *Соч.*: в 9 т. Т. VIII. М.: Наука.

Бируни, А. 1957. Памятники минувших поколений. В: Бируни, А., *Избранные произведения*. Ташкент: Изд-во АН Уз. СССР.

Галяутдинов, И. Г. 1998. «*Тарих нама-и Булгар*» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа.

Гаркави, А. Я. 1870. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*. СПб.

Греков, Б. Д. 1945. Волжские болгары в IX–X вв. *Исторические записки* 14.

Давлетшин, Г. М. 1990. *Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период (X – начало XIII в.)*. Казань.

Даркевич, В. П. 1976. *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.* М.: Наука.

Дубов, И. В. 1989. *Великий Волжский путь*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Заходер, Б. Н. 1967. *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*: в 2 т. Т. II. М.: Наука.

Измайлов, И. Л.

2000. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции. (Серия «Древнейшие государства Восточной Европы», 1998.) М.: Наука.

2001. Средневековые болгары: этнополитические и этноконфессиональные аспекты идентификации. В: Буханов, А. А. (ред.), *Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии*. Вып. 2. Казань.

2002. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских болгар. *Вопросы древней истории Волго-Камья*: сб. Казань.

Казаков, Е. П.

1985. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным. *Советская археология* 4: 178–185.

1992. *Культура ранней Волжской Болгарии*. М.: Наука.

Ковалевский, А. П.

1951. Посольство халифа к царю волжских болгар. *Исторические записки* 37.

1956. *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков.

Коновалова, И. Г.

1999. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения. В: Джексон, Т. Н., Меньшикова, Е. А., *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто*. М.: Языки русской культуры.

2006. *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий*. М.: Вост. лит-ра.

Крачковский, И. Ю. 1957. *Избр. соч.*: в 6 т. Т. 4. М.; Л.

Матузова, В. И. 1979. *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М.: Наука.

Мельникова, Е. А. 1999. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы. *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв.* Казань.

Минорский, В. Ф. 1963. *История Ширвана и Дербента X–XI веков*. М.

Мухаметшин, Р. М. 2003. *Татары и ислам в XX веке*. Казань: Фэн.

Новосельцев, А. П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука.

Петренко, А. Г.

1979. Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. *Новое в археологии Поволжья*. Казань.

1984. *Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья*. М.: Наука.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. и коммент. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971.

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Семенов, А. А. 1953. Таджикские ученые XI в. н. э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах. *Доклады АН Таджикской ССР*. Вып. VII. Б. м.

Татищев, В. Н. 1995. История Российская. Ч. 2. В: Татищев, В. Н., *Собр. соч.*: в 8 т. Т. IV. М.: Мысль.

Халикова, Е. А. 1986. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в.* Казань: Изд-во КГУ.

Хвольсон, Д. А. 1869. *Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен-Омар Идн-Даста.* СПб.

Шпилевский, С. М. 1877. *Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии.* Казань.

Щербатов, М. М. 1901. *История Российская.* Т. 1–2. СПб. (1-е изд. – 1770 г.).